5

„Советская культура"
г. Москва
12 ФЕВ 1957

ТЕАТР ИЛИ ПРОКАТНАЯ ПЛОЩАДКА?

Еще не так давно стоило завести речь об эстраде, как раздавались громкие, обиженные голоса:

— Ну, конечно! Опять нас ругают! «Эстрада топчется на месте». «Мало новых имен». «Мало боевой, злободневной сатиры». «Отстаем от жизни...». Правильно, отстаем. Но почему? Надо помочь эстраде создать действительно творческую обстановку...

И тут голоса становились проникновенными и, по правде говоря, совершенно убедительными.

— Нужно создать Театр эстрады, настоящий театр, с единым художественным руководством, с общностью творческих устремлений, театр, где бы признанные мастера и талантливая молодежь чувствовали себя не гастролерами, а людьми, заинтересованными в успехе общего дела.

Такой театр был создан. Три года назад в Москве на площади Маяковского был отпразднован «Его день рождения» (так и назывался первый спектакль). Однако «новорожденный», едва научившись улыбаться, сделав первые шаги, не двинулся дальше и вскоре, к изумлению публики, даже разучился стоять на собственных ногах...

Все реже на сцене театра стали появляться спектакли, которые радовали бы творческими исканиями, изобретательностью режиссерской мысли, целеустремленностью замысла. Все чаще мы видели обычные представления-концерты, более или менее удачные, но в общем ничем не отличающиеся от подобных же концертов, идущих в любом другом месте. Случалось, что программа, которую зрители видели летом в «Эрмитаже», спустя несколько месяцев показывалась здесь в качестве премьеры. И никто, кому ведать тем надлежит, не смущался. Как будто Театр эстрады — всего лишь зимний филиал «Эрмитажа»!

А ведь задумано было по-другому. Помнится, еще в конце первого сезона Н. Смирнов-Сокольский, в то время художественный руководитель театра, обещал показать в будущем году «не менее 15 совершенно новых номеров». Мы что-то не заметили их, как и многого другого, что было обещано. Впрочем, имя Смирнова-Сокольского тоже исчезло с афиши театра, теперь тут обходятся без художественного руководства.

Да и к чему оно! Как живой творческий организм театр эстрады перестал существовать: осталось здание со зрительным залом и сценой; сегодня здесь выступают одни исполнители или ансамбли, завтра — другие. Вот и все.

Почему так случилось? Быть может, идея создания театра с самого начала была обречена на неудачу? Или все еще не до конца выяснен вопрос: что такое настоящий театр эстрады?

Без сомнения, дело не в этом.

Существует уже более пятнадцати лет Ленинградский театр миниатюр, у которого есть «свое творческое лицо», свой художественный облик (хотя его прежде всего облик замечательного актера Аркадия Райкина). Глубокое проникновение в природу эстрадных жанров, неутомимые поиски (и находки!) новых сатирических образов, новых ... — вот что делает Ленинградский театр миниатюр, несмотря на некоторые неудачи, подлинным театром.

Разве не было таких возможностей и у Московского театра эстрады? Их было больше, но они остались нереализованными.

Можно, конечно, спорить о формах и жанрах эстрадного представления: что лучше — спектакль со «сквозным» сюжетом или обозрение, объединенное общей темой? монтаж самостоятельных интермедий и сценок или концертная программа в ее привычном виде? Путей и направлений много, спорить можно, но прежде всего нужно что-то делать, пробовать, искать, выбирать. Иначе как же сравнивать результаты?

Театр эстрады, не сделав серьезных попыток осуществить свои замыслы, с необъяснимой, на первый взгляд, легкостью отказался от провозглашенных им самим целей. Думается, меньше всего повинны в этом какие-то непреодолимые трудности художественного, творческого порядка. Скорее, дело в другом — в отсутствии интереса к судьбе театра со стороны организаций, ответственных за его работу (раньше Мосэстрады, теперь Всероссийского гастрольно-концертного объединения). Видимо, руководителей ВГКО вполне устраивает то положение, в котором оказался этот театр. Помещение используется, артисты выступают, полный сбор обеспечен, — «чего же боле»?

Уже после открытия Театра эстрады в Москве украинские артисты Ю. Тимошенко и Е. Березин выступили на страницах «Известий» со статьей, которая называлась «Всерьез об эстраде». В ней было много правильных мыслей и убедительных фактов. С одним лишь трудно было согласиться: отметив (видимо, по инерции), что у нас очень мало «специальных эстрадных театров», они уверяли читателей в том, что у артистов эстрады «существует хорошая традиция: „утром в газете — вечером в куплете“», и этому следуют в творческой практике лучшие конферансье, мастера сатирического куплета, артисты разговорного жанра».

Едва ли эта традиция существует.

Нет, мы не собираемся упрекать талантливых артистов: они нередко умело пользуются острым оружием сатиры, в исполняемых ими интермедиях и сценках звучат темы сегодняшнего дня. Это верно. Но вот беда: хороший девиз «утром в газете — вечером в куплете» в понимании деятелей эстрады постепенно приобрел несколько своеобразный характер — «вечер», как правило, растягивается на многие недели, а то и месяцы. Наиболее известные мастера разговорного жанра (и тут Березин и Тимошенко — не исключение) редко обновляют свой репертуар. Пусть фельетон, сценка, интермедия, рождаясь на свет, еще дышат событиями дня (что, впрочем, тоже не так уж часто бывает!), но можно ли назвать их злободневными спустя месяц, полгода, год?

...Идет большой концерт для строителей Дворца спорта в Лужниках. Артисты эстрады впервые выступают в этом гигантском зале; событие торжественное, хочется отметить его какими-то созвучными аудитории словами. Вот есть, например, сценка насчет звукопроницаемости стен в некоторых новых домах. Правда, написана она давно, много раз исполнялась, порядком устарела, но конферансье Борис Брунов «легко» выходит из положения:

— Теперь, конечно, этого нет...

...Выступает артист эстрады В. Кравинский. — Современные композиторы не пишут лирических песен, — сообщает он, подготавливая слушателей к восприятию музыкально-пародийного номера, который, вероятно, тоже делался много лет назад, когда композиторы и в самом деле писали мало лирических песен. Сегодня номер устарел, работает вхолостую, но как перестроиться на ходу?

...Выступают А. Шуров и Н. Рыкунин, исполняющие сатирическую сценку «Советская кинематография на подъеме». Артисты показывают ее не первый раз и не первый год. Когда-то в ней перечислялись названия заграничных фильмов, демонстрировавшихся на наших экранах. Шуров и Рыкунин сумели «перестроиться»: старые названия заменили новыми. Но удар все равно пришелся «мимо ворот» — ведь положение-то изменилось, советских картин стало гораздо больше!

Увы, так выглядит на практике традиция оперативности разговорного жанра.

А ведь слово — живое, меткое, точно направленное в цель, — всегда было и, конечно, остается подлинной душой эстрадного спектакля. Вот где особенно много мог и должен был сделать новый театр. Именно он мог бы стать творческим центром нашей эстрады, собирателем сил, открывателем и воспитателем молодых дарований. Здесь должны были рождаться совершенно новые номера и жанры, создаваться новый, оригинальный репертуар, объединяться творческие усилия артистов, писателей, композиторов, художников.

Такое содружество авторов и исполнителей, может быть, всего нужнее сегодня нашему эстрадному искусству, ибо нет, пожалуй, ни одной другой области искусства, где бы место писателя, автора текста, создателя словесного образа не было так принижено, как на эстраде.

Трудно представить, чтобы в драматическом театре (какие бы грехи по части взаимоотношений с драматургами у него ни были) автору пьесы ответили, например, в таком духе: «Вашей пьесой никто из актеров не заинтересовался, поэтому возвращаем вам ее обратно». Вещь, понятно, немыслимая. Что касается автора, рискнувшего принести свое произведение на эстраду, то ему могут ответить буквально так (цитируем подлинный документ): «Речевой отдел (название-то какое! — И. Ч.)... не находит возможным использовать вашу интермедию, так как никто из актеров ей (так и написано: «ей»!) не заинтересовался».

Никто не заинтересовался! А сам «речевой отдел» заинтересовался? Каково его мнение? Почему бы ему не ответить автору по существу, заслуживает ли интермедия сценического воплощения, затрагивает ли она интересную тему, хорошо ли написана? Или это литературный брак, не стоящий внимания? В первом случае, нам кажется, следовало все-таки заинтересовать исполнителей, по крайней мере дать автору дельный совет; во втором — так и сказать, не ссылаясь на мифических исполнителей: плохо, не годится.

Обычно так и поступают, когда имеют дело с литературным произведением. Как видим, в организации, причастной к работе с авторами, пишущими для эстрады, на этот счет придерживаются иных взглядов.

У нас есть великолепные мастера эстрадного искусства. У нас есть немало талантливых литераторов, пишущих для эстрады, и еще больше писателей, фельетонистов, комедиографов, которые могли бы участвовать в создании эстрадного репертуара — по-настоящему боевого, злободневного, откликающегося на требования времени. «Легкий» на подъем, наиболее оперативный жанр сценического искусства, проникающий в самые далекие уголки, — разговорный жанр эстрады заслуживает приложения «больших» литературных сил.

Но в эстрадных канцеляриях не создают подходящих условий для работы с писателями. Тут давно сложилась обстановка кустарщины и творческой разобщенности, весьма далекая от решения серьезных идейно-художественных задач.

Не потому ли на эстраду просачиваются ремесленные изделия халтурщиков, примитивные образцы дурного вкуса, обывательщины, пустопорожнего зубоскальства? Приходится, к сожалению, не так уж редко убеждаться, что высокое исполнительское мастерство на эстраде не всегда идет рука об руку с таким же высоким эстетическим вкусом, художественной взыскательностью, идейной требовательностью.

* * *

Московский государственный театр эстрады вступил в свой четвертый сезон. «Творческая линия» его в прошлом, к сожалению, определилась как линия наименьшего сопротивления.

И вот уже снова слышны знакомые голоса, упрекающие в отставании авторов-юмористов. А писатели-юмористы и сатирики в свою очередь предъявляют претензии деятелям эстрады, вспоминают, что в Москве когда-то был театр миниатюр, с которым было интересно работать, и что неплохо бы вернуть его к жизни. О Театре эстрады, что на площади Маяковского, тоже вспоминают, но только для того, чтобы огорченно махнуть рукой: ну какой, помилуйте, это театр, так — прокатная площадка...

Ничего не скажешь, правы и те, и другие. Но есть еще третьи — руководители эстрадных организаций. Что они думают по этому поводу? Они молчат, словно все это их вовсе не касается.

А жаль. Без их участия в этом разговоре трудно обойтись.

И. ЧЕРЕЙСКИЙ.